

УДК 82.0+821.161.1
ББК 83+83.3(2Рос=Рус)6

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА И СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ СОЦРЕАЛИЗМА

© 2019 г. З.С. Закружная

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 05 февраля 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-44-61

Аннотация: В статье обзорно представлена институциональная история Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ), а также освещена его основная практическая деятельность. Отмечается, что после Постановления «О перестройке литературно-художественных организаций...» ЛОКАФ без каких-либо потерь для себя входит в состав Союза советских писателей (ССП) в качестве Комиссии оборонной художественной литературы. Автор статьи полагает, что ЛОКАФ отчасти предвосхитил организационные и идейные принципы ССП, а также во многом проработал ключевые категории будущего основного метода советской литературы — соцреализма. Эти положения обосновываются в статье на материале впервые вводимых в научный оборот архивных материалов (фонд ЛОКАФ ОР ИМЛИ РАН), а также малоизвестных публикаций в периодической печати.

Ключевые слова: Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), Союз советских писателей, соцреализм, народность, массовая литература.

Информация об авторе: Зоя Сергеевна Закружная — старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-6798-1582

E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru

Для цитирования: *Закружная З.С.* Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4, № 2. С. 44–61. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-44-61

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

LITERARY ASSOCIATION OF THE RED ARMY AND NAVY AND THE UNION OF SOVIET WRITERS: UNPACKING THE ORIGINS OF SOCIAL REALISM

© 2019, Z.S. Zakruzhnaya

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: February 05, 2019

Date of publication: June 25, 2019

Abstract: The article gives an overview of the institutional history of the Literary Association of the Red Army and Navy (LOCAF) and highlights its main practical activities. It argues that after the Decree "On the restructuring of literary organizations ..." LOCAF became a lost-free member of the Union of Soviet Writers (CSP) as the Commission of Defense Fiction. The author of the article believes that LOCAF partly anticipated organizational and ideological principles of the CSP as well as largely developed the key categories of social realism, future mainstream method of Soviet literature. These provisions bear on the material of hitherto unknown archival materials and obscure publications in the periodical press.

Keywords: Literary Association of the Red Army and Navy (LOCAF), Union of Soviet Writers, socialist realism, narodnost', mass literature.

Information about the author: Zoya S. Zakruzhnaya, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-6798-1582

E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru

For citation: Zakruzhnaya Z.S. Literary Association of the Red Army and Navy and the Union of Soviet Writers: Unpacking the Origins of Social Realism. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 2, pp. 44–62. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-44-61

Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ) до сих пор не стало объектом самостоятельного изучения¹ и практически не рассматривалось в научной литературе. Однако ЛОКАФ заслуживает особого внимания. Функционировал он в 1930–1932 гг., явившись последним созданным литературным объединением 1920–1930-х гг. В ЛОКАФ вступили писатели самых разных возрастов, статусов, творческих принципов, социальных слоев. Думается, что система функционирования ЛОКАФ во многом превосходила созданный позже Союз советских писателей (ССП), тем более, что при создании ССП на базе ЛОКАФ была организована «комиссия оборонной художественной литературы». Однако ни структура, ни формы функционирования этого объединения не были до сих пор изучены. При этом существует немало работ, посвященных ССП, в которых ни словом не упоминается ЛОКАФ. Такая ситуация представляется некорректной с историко-литературной точки зрения: для описания истории литературного процесса важно понимать, где берет свое начало столь значимая для советской литературы организация, как ССП, на основе чего она создавалась, кто и по какому принципу был включен в ее руководящий состав.

ЛОКАФ, просуществовав всего два года (1930–1932), стал мощной литературной институцией — официально организационно оформленной, зарегистрированной в ЦИКе и пользующейся всеми правами юридического лица², утвердившей свой устав³ и выпустившей ряд программных ста-

1 Существует некоторое количество работ, в которых ЛОКАФ упоминается, но не становится объектом комплексного исследования. См., например: [1; 3; 4; 9; 11].

2 См.: ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 2.

3 Проект устава см.: ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. 13 л.

тей о целях, задачах и принципах объединения в периодической печати⁴. Наличие собственных официальных органов печати (журналы «ЛОКАФ» и «Залп») наделяло объединение фактической способностью допускать к изданию произведения своих членов, добиваться их популярности, обеспечивать условия для их творчества.

ЛОКАФ стал не просто литературной институцией⁵, но институцией массовой: за период своего двухлетнего существования ЛОКАФ реализовался как массовая всесоюзная организация, охватив своей деятельностью множество союзных республик, писателей различных творческих принципов и принадлежащих к самым разным литературным организациям, «призвав в литературу» массу красноармейцев и политработников. В рамках своего институционального существования ЛОКАФ регулярно проводил пленумы и конференции, на которых обсуждались основные организационные и творческие вопросы. Практическая деятельность ЛОКАФ велась по трем направлениям: привлечение уже состоявшихся писателей к творческой работе в области оборонной художественной литературы; руководство литературным движением в РККА, «выращивание и воспитание» писательских кадров из красноармейцев, краснофлотцев и начсостава и издательская деятельность. ЛОКАФ должен был стать не просто массовой организацией, а организацией, включающей в себя «все силы» Советского Союза, «работающие на укрепление обороны страны и боеспособности РККА»⁶. Основной задачей объединения было «мобилизовать» максимально широкий круг общественности. В связи с этим ЛОКАФ предполагал объединить в работе на оборону страны писателей из военной среды с писателями гражданскими. Однако для того, чтобы гражданские писатели смогли полноценно присоединиться к работе по военной тематике, их — гражданских писателей — необходимо было ознакомить с основными принципами работы армии, ее проблемами и нуждами. Для этих целей ЛОКАФ разрабатывал различные мероприятия.

4 См., например: Боевой отряд на фронте литературы // Литературная газета. 1930. № 33 (70) (5 августа). С. 1; Данилов И. Боевые задачи локафовской критики // Марксистско-ленинское искусствознание. 1932. № 4. С. 110–112; Красная армия ждет своего писателя // Литературная газета. 1930. № 25 (62) (26 июня). С. 1; Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 135–138.

5 Об институциональном характере объединения см.: [8].

6 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1.

Так, в отношении работы с состоявшимися — «квалифицированными» — писателями свою основную задачу ЛОКАФ видел в привлечении их к работе в объединении, к работе на оборонно-пропагандистском «фронте». При этом было важно, чтобы «маститые» писатели не только создавали художественные произведения на военно-оборонную тему, но и отражали военные реалии технически грамотно и, главное, идеологически верно. Для достижения этих целей ЛОКАФ проводил «мобилизацию» состоявшихся писателей, посылал их в оплачиваемые командировки — в армейские лагеря и на маневры, организовывал курсы военизации писателей, на которых гражданским писателям рассказывалось об особенностях деятельности Красной армии, ведении военных действий и т. д., а также проводилась идеологическая «проработка», проводил литературные вечера и встречи (с политическо-идеологическими докладами политработников РККА и обсуждением литературных произведений), объявлял литературные конкурсы (с денежными премиями и правом публикации произведений) и т. д. Подобные мероприятия ЛОКАФ возымели успех, и объединению действительно удалось вовлечь в свою работу множество уже состоявшихся гражданских писателей СССР.

Руководству армейским литературным движением и «воспитанию» писателей из участников армейских литературных кружков ЛОКАФ придавал особое значение. Одной из основных задач объединения было создать массовую литературу, причем здесь понималась не только и не столько литература, читаемая широкими массами, не столько формирование «читательской массы», сколько создание «массового писателя» — не просто пишущего для масс, но самого выходца из этих масс. ЛОКАФ полагал, что писателя, удовлетворяющего потребности оборонной литературы, можно «воспитать», «сформировать» чуть ли не из любого армейца. Поэтому задача работы с «литературным молодежком»⁷ оказывалась одной из центральных для объединения. В рамках выполнения этой задачи ЛОКАФ принимал руководство над уже имеющимися литературными кружками и создавал новые в частях Красной армии и во флоте. Для руководства этим низовым литературным движением ЛОКАФ разрабатывал программы занятий, посылал своих членов

7 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 2.

руководить работой литкружков, организовывал литературные консультации для начинающих авторов, создавал при военных газетах литературные отделы, которыми руководили члены ЛОКАФ. Объединение также стремилось публиковать произведения начинающих авторов «из народа» и организовывало для этого издание специальных литературных сборников красноармейцев-ударников.

ЛОКАФ, утверждая одной из своих основных задач создание массовой оборонной литературы, вел активную издательскую деятельность, стараясь опубликовать как можно больше произведений своих членов. Реализовывалась эта задача через издание локафовских журналов, центральными из которых стали Московский «ЛОКАФ» и Ленинградский «Залп», а также через заключение договоров с различными издательствами, причем не только о публикации произведений членов ЛОКАФ, но даже и об учреждении специальных локафовских серий.

ЛОКАФ оказался актуальным и востребованным государством в силу своей пропагандистской, оборонной и воспитательной направленности, а потому органично включился в ключевые культурные проекты 1930-х гг., такие как издательский проект М. Горького «История гражданской войны» и создание Единого Союза советских писателей.

Результатом взаимодействия ЛОКАФ с редакцией «Истории гражданской войны» явилось обращение локафовцев к теме Гражданской войны и ее героя в своих произведениях, возникновение в ЛОКАФ дискуссий о принципах художественного осмысления и отражения Гражданской войны в «локафовской продукции», о принципах и правилах изображения героя этой войны (см. подробнее: [7]).

Что касается реорганизации ЛОКАФ в связи с Постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций...», то она прошла для ЛОКАФ безболезненно, в отличие от многих других объединений 1930-х гг.: ЛОКАФ не только сохранил свои позиции «на литературном фронте», но и укрепил их.

21 июня 1932 г. прошло совещание, собранное оргкомитетом ССП, на котором обсуждался вопрос о том, какое место должен занять ЛОКАФ в будущем ССП. «Писатели отметили, что в будущем союзе писателей ЛОКАФ должен быть сохранен либо как автономная организация, которая должна руководить работой литкружков в частях РККА (М. Субоцкий, С. Вашен-

цев), либо как организационная ячейка или сектор (Р. Азарх, В. Ставский, В. Гусев, И. Лимановский, А. Исбах, Д. Либерман)»⁸.

В октябре 1932 г. 3-й итоговый пленум ЛОКАФ в соответствии с Постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций...» от 23 апреля 1932 г. «постановил распустить все локафовские организации и просить Оргкомитет Союза Советских писателей СССР организовать в структуре Оргкомитета Военную комиссию с передачей ей функций ЛОКАФа и с учреждением в местных отделениях Оргкомитета аналогичных военных комиссий»⁹.

Члены ЛОКАФ внесли немало предложений по включению объединения в состав организующегося Союза советских писателей, которые практически в полном объеме были приняты Оргкомитетом.

Комиссии оборонной художественной литературы были созданы, и ЛОКАФ, сохранив и своих руководителей, и своих членов, и свои печатные органы и договоры с издательствами, и даже свои рабочие планы, фактически в неизменном виде продолжил функционировать уже в составе ССП¹⁰.

Представляется, что система функционирования ЛОКАФ, наряду с другими литературными организациями 1920–1930-х гг., во многом предвосхитила созданный Союз Писателей: в ЛОКАФ вступили писатели самых разных возрастов, статусов, творческих принципов, социальных слоев; деятельность ЛОКАФ распространилась на весь СССР (при нахождении Центрального совета в Москве); высшим органом ЛОКАФ являлся всесоюзный съезд его членов, при этом съезд избирал Центральный совет, который проводил обязательные Пленумы¹¹. В такой системе организации и функционирования объединения видится во многом предвосхищение принципов созданного позже Союза писателей.

Однако ЛОКАФ предвосхитил ССП не только в институциональном отношении (в этом первенство принадлежит прежде всего РАППу, вслед за которым в момент своей организации следовал ЛОКАФ), но и в идейном — своей главной задачей ЛОКАФ считал объединение всех писателей (а не толь-

8 Опыт ЛОКАФ будет использован // Литературная газета. 1932. № 29 (198) (29 июня). С. 1.

9 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 40.

10 Институциональная история и хроника практической деятельности ЛОКАФ рассмотрена нами подробнее в публикациях: [6; 7; 8].

11 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 5.

ко пролетарских). В этом, пожалуй, самое принципиальное отличие ЛОКАФ от РАППа и основное локафовское положение, предшествующее принципу ССП: именно идея объединения всех писателей в одну организацию лежала в основе необходимости создания ССП. С этим связано и появление неоднозначного термина «советский писатель», с одной стороны, подразумевающего географический принцип (все писатели, живущие и творящие на территории СССР), но, с другой стороны, и идеологический принцип, который в конечном счете станет основным. ЛОКАФ в момент своего создания предлагал именно эту модель — объединение всех писателей в одну организацию, вне зависимости от статуса, социального положения, принадлежности к другим объединениям. Фактически единственным критерием вступления в ЛОКАФ оказывался именно критерий «политической надежности»: «Мы принимаем писателей, пролетарских писателей безусловно, ибо за них отвечает пролетарская организация. Мы берем попутчиков, мы берем перевальцев, конструктивистов и пр. Мы берем тех, кого мы несомненно можем допустить в армию, которым мы несомненно доверяем политически»¹². ЛОКАФ предлагал объединить не только состоявшихся писателей и начинающих, не только попутчиков, пролетарских и крестьянских писателей, не только писателей, живущих в СССР, и зарубежных, но предлагал объединить и гражданских деятелей с военными. Это объединение предлагалось проводить на идейно-тематической платформе — на основе оборонной идеи и оборонной темы в художественном творчестве. ССП пошел дальше, отбросив тематическую основу и введя методологическую, но сам принцип был предложен уже ЛОКАФом. Эта локафовская идея объединения всех писателей нашла свое отражение и в формулировании главного методологического принципа ССП — платформы соцреалистического метода. Так, утверждение основного художественного метода должно было «открыть перспективу творчества для всех советских писателей, определить то, что объединяло их. Поэтому представлялось важным подчеркнуть именно социалистический (а не только пролетарский) характер искусства» [То, с. 84].

ЛОКАФ четко обозначал свою философию и идеологию — согласно линии партии и программе РАППа¹³. Рапповцы говорили об особом творческом методе литературы, называя его «диалектико-материалистическим».

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7.

¹³ Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 137.

Но они напрямую перенесли философские категории на область искусства, не учитывая специфики художественного творчества, тем самым смешивая искусство и мировоззрение [10, с. 84]. Члены ЛОКАФ в своих идеологических и политических выступлениях вторили РАППу, также говоря о методе диалектического материализма как о ведущем и для ЛОКАФ. Однако, если судить по выступлениям членов ЛОКАФ на пленумах и конференциях, никто из них не понимал до конца, что это означает: в докладах локафовцев регулярно звучала формулировка — «следование методу диалектического материализма», — но ни разу ни в одном докладе не прозвучало, что именно под этим методом понимается и, главное, каким образом этот метод должен воплотиться в локафовских произведениях. Как только речь заходила непосредственно о художественном творчестве (а не об идеологической платформе объединения), этот лозунг уже не звучал, очевидно, потому, что руководители ЛОКАФ понимали его методологическую неприменимость к созданию художественных произведений. То есть, как представляется, метод диалектического материализма остается у членов ЛОКАФ в сфере идеологии и мировоззрения, без попыток перенести его на художественное творчество, что приводит локафовцев к необходимости утверждать какой-то иной художественный метод для своих произведений.

Отсюда и появляется попытка утвердить ведущим локафовским методом метод «художественного реализма»: «...жизнь и борьба рабочих и трудящихся масс за коммунизм дает такой многогранный и красочный материал, который для своего художественного изображения отвергает всякий мистицизм и надуманность, она требует применение метода художественного реализма»¹⁴.

Но на деле художественного реализма руководители ЛОКАФ не признавали, так же как, впрочем, и любые другие творческие методы. Связано это было прежде всего с отсутствием подлинно художественной литературы в деятельности ЛОКАФ. От локафовцев, если судить по программным статьям и заявлениям, требовалось отнюдь не художественное, а публицистическое, пропагандистское по своей сути произведение, ведь основной задачей ЛОКАФ утверждалась именно «пропаганда <...> задач обороны страны, мобилизация вокруг этих задач общественного мнения и актив-

14 Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 137.

ности трудящихся СССР»¹⁵. Именно поэтому наиболее востребованными оказались очерки, по сути представляющие журналистский репортажный жанр — отчет о деятельности в лагерях, на маневрах, в командировках. При этом очерки «о жизни красноармейца» должны были якобы документально, зеркально отражать «реальность», в действительности же — моделировать «реальность» желаемую, идеологически выверенную. Тот же принцип реализовывался и в методологических указаниях к изображению героя Гражданской войны и самой этой войны в художественной литературе (см.: [7]): никакой установки на историзм, воссоздание эпохи, отображение истории не было. Локафовским писателям предлагалось создавать образ героя Гражданской войны, максимально приближенный к образу «идеального героя современности», при этом четко обозначалась и воспитательная, идеологическая цель создания произведений о Гражданской войне — локафовцами должен был создаваться миф, идеологически работающий на современность.

Именно эта ориентация, с одной стороны, на художественный реализм (в отношении создания жизнеподобной картины мира), а с другой стороны, на мифотворчество (воплощение реальности желаемой, моделирование идеальной реальности — «какой она должна быть») станет впоследствии методологической основой соцреализма.

Как видно, ЛОКАФ находился в шаге от того, чтобы сформулировать соцреалистический метод художественной литературы. Очевиден вклад ЛОКАФ и в разработку главных категорий будущего основного метода советской литературы. В отношении «классовости» и «партийности» ЛОКАФ вторил РАППу, который эти категории разрабатывал и широко использовал. Так, по мнению Е. Добренко, «в своей эстетике РАПП заложил основные параметры пришедшего ему на смену соцреализма: в нем был практически создан категориальный аппарат будущего “метода советской литературы”. Рапповские критики ввели в качестве основных операционных категорий не только *классовость*, доведя ее до крайности лозунга “союзник или враг”, но и *партийность*» [5, с. 161]. Несмотря на то что уже в 1932 г. лозунг «союзник или враг» был назван «левацкой установкой» и раскритикован на страницах «Литературной газеты»¹⁶, сам принцип классовости, несомненно, пе-

15 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1.

16 Решительно ударить по попыткам задержаться на старых позициях! // Литературная

решел в соцреалистический метод. Партийность рапповцы действительно «стремились поднять на такую высоту», «при которой партийность была бы не чем-то, сосуществующим рядом с методом, а действительно являлась бы основной движущей силой, сутью нашего художественного метода»¹⁷. Важно, как отмечает Е. Добренко, что у рапповцев «отсутствовал, пожалуй, лишь последний компонент соцреализма — *народность*» [5, с. 162]. В отношении «классовости» и «партийности» следуя за РАППом, ЛОКАФ в своих литературно-критических положениях фактически разработал и будущий принцип народности, отсутствовавший в рапповской критике.

Как представляется, ЛОКАФ начал апробацию принципа народности, с одной стороны, своей ориентацией на «массовость», с другой стороны, своим подходом к вопросу о художественной речи.

Что касается «массовости», как уже отмечалось, ЛОКАФ планировал создать «новую армию» писателей — в основном из начинающих армейских авторов — работающих на оборону страны, и эту задачу отчасти смог реализовать. Однако качество и степень художественности «локафовской продукции» оставались весьма сомнительными, хотя изначально руководство ЛОКАФ и утверждало, что объединение не снижает качественные требования к художественному произведению¹⁸, делая ставку на молодых, никому еще не известных писателей и поэтов. Напротив, руководство ЛОКАФ полагало, что из любого красноармейца можно вырастить и воспитать «настоящего» писателя, что можно и нужно «учить, растить и поднимать молодые кадры начинающих красноармейских писателей до уровня лучших мастеров слова»¹⁹. Именно здесь наиболее ярко проявляет себя локафовская установка на «массовость». ЛОКАФ был ориентирован не только на создание массовой литературы и «массового читателя», призывая своих членов к максимально простому языку, понятному и доступному каждому, утверждая основой творчества своих членов «малые формы» (очерки, стихи, небольшие рассказы), посильные любому читателю. ЛОКАФ был ориентирован и на создание «массового писателя», которым мог стать любой человек, вне зависимости от наличия та-

газета. 1932. № 23 (192) (23 мая). С. 2.

17 Карабельников Г. За партийность литературы // На литературном посту. 1931. № 6. С. 16.

18 Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 137.

19 Там же.

ланта и степени образованности. Для ЛОКАФ художественное творчество становится ремеслом, «работой на оборону страны», где не остается места «таланту», а есть массовое производство «оборонной продукции». И пригодным к этому производству признавался любой советский человек, «грамотно идеологически подкованный». Это подчеркивает и лексика локафовских выступлений и публикаций. Так, литературное художественное произведение становится для локафовцев «творческой продукцией», которую «составляют», писатель — «рабочим», ремесленником, «производителем», читатель — потребителем, на которого нужно идеологически воздействовать. Фактически литература оказывается журналистикой и пропагандой. Идея, разумеется, не дала сколько-нибудь значимых в художественном отношении плодов — под грифом ЛОКАФ не было создано ни одного высокохудожественного произведения.

В отношении героев своей «литературной продукции» ЛОКАФ утверждал, что «идеальным» может быть лишь тот герой, что «выдвинут из глуши народных масс» [6, с. 170]. Здесь уже практически во всей своей полноте прослеживается соцреалистическая категория народности — через утверждение «народного героя» и идею «низового искусства».

Оставался лишь «народный язык», но ЛОКАФ разрабатывал и эту составляющую: «...чутко прислушиваясь к развитию народного языка, мы будем добиваться ясного, простого, понятного массам художественного слова, изгоняя с наших страниц словесную эквилибристику, буффонаду, ложный пафос»²⁰. Тем самым, с одной стороны, особо подчеркивалась ориентация объединения на массового читателя — утверждением простоты художественного языка, который должен удовлетворять вкусам «громчайших массивов трудящихся, которых непосредственно коснется война и ее тяготы. Это будут малограмотные крестьяне, батраки, рабочие отсталых профессий»²¹. С другой стороны, позиция ЛОКАФ в вопросе о художественной речи соотносилась с общими лозунгами «одемянивания литературы» и борьбы с формализмом, во многом предвосхищая соцреалистическую категорию народности, официально оформившуюся только после дискуссии о языке 1933–1934 гг.

20 Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 137.

21 Чумандрин М. Вторая мировая конференция революционной литературы и военная опасность // Залп. 1931. № 1. С. 48.

Напомним, что «цель начатой Горьким дискуссии — подчинение литературы, сохранявшей относительную стилистическую самостоятельность, идеологическому контролю. <...> В литературе и искусстве опасность прежде всего исходила от неоднозначности, непрозрачности, в чем — не без основания — виделся источник диссидентства и возможность “идеологической контрабанды”» [2, с. 259]. Но «введение языка в зону контроля и требование его идеологической “прозрачности”» [2, с. 256] явилось лишь одной стороной проблемы. «Другой не менее важной целью борьбы с натуралистическим “засорением” языка и орнаменталистской “бессмыслицей” было приспособление литературы к педагогическим функциям» [2, с. 256]. Напомним, что именно воспитательная и идеологическая функции утверждаются ЛОКАФ как основные для художественной литературы (см: [7]). Соцреалистические принципы формулировались исходя из того, что воспитательные, идеологические, пропагандистские функции литературы «могут быть реализованы лишь при условии доступности (понятности) литературы и искусства для массового читателя и зрителя, при условии соответствия его вкусу. <...> В этом состояла суть одного из ключевых понятий — *народности*» [2, с. 259].

Здесь становится очевидным предшествование литературно-критических позиций ЛОКАФ соцреалистической категории народности — установкой ЛОКАФ на народный язык, на изображение «народного героя» и идею «низового искусства». С другой стороны, у идеи «низового искусства» была и обратная сторона: можно предположить, что никак иначе, кроме как простым и понятным языком локафовский «массовый писатель» и не мог писать, что тоже требовалось оправдать и обосновать (очевидно, что в ЛОКАФ не было необходимости борьбы с элитарным, диссидентским искусством). Что касается доступности, ЛОКАФ учитывал и это, именно из соображений доступности руководители ЛОКАФ настаивали на доминировании малых форм — большой объем не осилит ни массовый читатель (прочитать), ни «массовый писатель» (написать).

По Х. Гюнтеру, эстетические нормы соцреализма формировались в 1933–1934 гг. прежде всего в качестве запретов, направленных против «элитарного искусства», и касались они в первую очередь именно категории народности: «“Чуждое народу” искусство “затрудненного восприятия” было отвергнуто политико-эстетической доктриной, поставившей перед собой

целью снятие границ между высокой и низкой культурой» [2, с. 276]. Именно в этот период и стала очевидной актуальность для формирующегося соцреализма позиций ЛОКАФ и востребованность его литературно-критических положений на государственном уровне на годы вперед. Напомним, дискуссия о языке имела продолжение в кампании 1936 г. по борьбе с формализмом. Именно в ее результате «в советской критике окончательно закрепилось требование простоты: стало ясно, что ни в плане языка, ни в плане композиции литературного произведения приемы затрудненной формы не соответствуют требованиям народности» [2, с. 274].

И хотя, как уже было отмечено, в период недолгого самостоятельно-го существования ЛОКАФа его членами не было создано сколько-нибудь художественно значимых произведений, свою миссию объединение выполнило, выдвинув как определяющую качество литературного произведения оборонную, военную идею, умело спущенную к массовому читателю. Достижением объединения стало то, что военно-патриотическая тематика стала «модной», вошла в круг творческих замыслов гражданских писателей 1930-х гг., стала желанной составляющей программы работы издательств. Однако здесь важно отметить, что само понятие «патриотизм», равно как и «Родина», не звучало в локафовских выступлениях и публикациях. В их документах, докладах и статьях тема обозначалась как оборонная, в крайнем случае военная. И объединиться писателям следовало на оборону «первого в мире социалистического государства», являясь преданными советской власти «борцами за социализм». Точно так же и сама Красная армия воспринималась в период существования ЛОКАФа как «защитница социализма», а вовсе не Родины, как «армия мировой пролетарской революции». Вместо Родины оказывалось «первое в мире социалистическое государство», оно же «очаг и база мировой пролетарской революции»²². Ситуация изменится только во второй половине 1930-х гг., когда совершится переход «от революционно-классовых к традиционным формам национальной коммуналности» [4, с. 238], когда советская культура вернется «в историко-патриотическое русло». Основным толчком к этому станет, конечно, Первый съезд советских писателей, в частности, известная речь М. Горького. Особенно интересно, что ЛОКАФ, уже перестав существовать к этому моменту как

²² См., например: Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 135–138.

самостоятельная организация, примет участие и в этой «кампании». Так, Л. Субоцкий — один из организаторов и ключевых критиков ЛОКАФа, который после роспуска объединения станет председателем Комиссии оборонной художественной литературы ССП, — в 1934 г. на страницах журнала «Знамя» (переименованного «ЛОКАФ») будет писать: «Наша литература о Красной армии должна во весь рост поставить перед собой задачу освоения таких чувств и понятий, как чувство советского патриотизма и любви к родине...»²³.

Таким образом, ЛОКАФ, моментально отреагировав на постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» проектами включения объединения в Единый Союз советских писателей²⁴, подписав заявление о создании Оргкомитета Союза советских писателей²⁵ и добровольно ликвидировавшись²⁶, вошел в созданный ССП в качестве Комиссии оборонной художественной литературы, причем без каких-либо потерь для себя. Наряду с другими объединениями 1920–1930-х гг. ЛОКАФ предвосхитил создававшийся ССП — и в организационном отношении, и, главное, в идейном — своим стремлением собрать всех писателей в одну организацию на единой тематической платформе. При этом ЛОКАФ в своих литературно-критических положениях во многом проработал и главные категории будущего основного метода советской литературы и Единого Союза советских писателей — соцреализма.

23 Субоцкий Л. Темы, которые еще ждут своих художников // Знамя. 1934. № 7. С. 221.

24 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 99. Литературное объединение Красной армии и флота. Резолюции. 1932 г. 38 л. Резолюция фракции секретариата центрального совета ЛОКАФ от 25 апреля 1932 г. Л. 1–3.

25 Сплотиться вокруг коммунистической партии. О создании оргкомитета единого союза советских писателей // Литературная газета. 1932. № 22 (191) (17 мая). С. 1.

26 ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 40.

Список литературы

- 1 *Глинкин П.Е.* Русская проза о ВОВ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1971. 32 с.
- 2 *Гюнтер Х.* Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1940 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 248–279.
- 3 *Добренко Е.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Sagner, 1993. 405 с.
- 4 *Добренко Е.* Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 225–241.
- 5 *Добренко Е.* Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 142–206.
- 6 *Закружная З.С.* Второй расширенный пленум ЛОКАФ. Стенограмма вечернего заседания 12 февраля 1932 г. Выступление Л.М. Субоцкого // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 168–173.
- 7 *Закружная З.С.* Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 171–184.
- 8 *Закружная З.С., Московская Д.С.* Институциональное измерение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 12–18.
- 9 *Колесник П.И.* «ЛОКАФ» и развитие советской военно-патриотической прозы 30-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1978. 19 с.
- 10 *Коровин В.И.* Дискуссии о творческом методе и художественном многообразии советской литературы // История русской литературы XX–начала XXI века. Ч. 2: 1925–1990 годы / сост. и науч. ред. проф. В.И. Коровин. М.: Владос, 2014. С. 83–164.
- 11 *Шошин В.А.* Ленинградско-Балтийское отделение литературного объединения Красной армии и флота (1930–1934) // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2 / отв. ред. В.П. Муромский; Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб.: Наука, 2006. С. 160–189.

References

- 1 Glinkin P.E. *Russkaia proza o VOV: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian prose about the World War II: PhD thesis, summary]. Moscow, N.K. Krupskaya Moscow Regional Pedagogical University Publ., 1971. 32 p. (In Russ.)
- 2 Giunter Kh. Sovetskaia literaturnaia kritika i formirovanie estetiki sotsrealizma: 1932–1940 [Soviet literary criticism and the development of the aesthetics of social realism: 1932–1940]. *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovskaia i postsovskaia epokhi* [The history of Russian literary criticism: Soviet and post-Soviet epochs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 248–279. (In Russ.)
- 3 Dobrenko E. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoi epokhi v istoricheskom osveshchenii* [The metaphor of power: literature of the Stalin era in historical context]. München, Sagner Publ., 1993. 405 p. (In Russ.)
- 4 Dobrenko E. Oboronnaia literatura i sotsrealizm: LOKAF [Defense literature and social realism: LOCAF]. *Sotsrealisticheskii kanon* [Social realist canon], eds. Kh. Giunter, E. Dobrenko. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 225–241. (In Russ.)
- 5 Dobrenko E. Stanovlenie instituta sovsckoi literaturnoi kritiki v epokhu kul'turnoi revoliutsii: 1928–1932 [Development of the Institute of Soviet Literary Criticism in the time of cultural revolution: 1928–1932]. *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovskaia i postsovskaia epokhi* [The history of Russian literary criticism: Soviet and post-Soviet epochs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 142–206. (In Russ.)
- 6 Zakruzhnaya Z.S. Vtoroi rasshirennyi plenum LOKAF. Stenogramma vechernego zasedaniia 12 fevralia 1932 g. Vystuplenie L.M. Subotskogo [LOCAF second expanded plenum. Transcript of the evening session on February 12, 1932. Speech by L.M. Subotsky]. *Istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii. Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov* [Historiography of the Civil War in Russia. Research and publication of archival materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 168–173. (In Russ.)
- 7 Zakruzhnaya Z.S. Printsipy izobrazheniia geroia Grazhdanskoi voiny v literaturno-kriticheskikh vystupleniiakh chlenov LOKAF (po materialam arkhiva OR IMLI RAN) [Principles of representation of the Civil War hero in the literary criticism of LOKAF Members (based on the materials of the Department of Manuscripts of the IWL RAS)]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 171–184. (In Russ.)
- 8 Zakruzhnaya Z.S., Moskovskaia D.S. Institutsional'noe izmerenie sovsckoi literatury. K istorii zabytogo literaturnogo ob"edineniia LOKAF [Institutional aspect of Soviet literature. History of the forgotten Literary Association of the Red Army and Navy]. *Filologicheskii klass*, 2018, no 2 (52), pp. 12–18. (In Russ.)
- 9 Kolesnik P.I. "LOKAF" i razvitie sovsckoi voenno-patrioticheskoi prozy 30-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [LOCAF and the development of Soviet military-patriotic

- prose of the 1930s: PhD thesis, summary]. Moscow, MOPI im. N.K. Krupskoi Publ., 1978. 19 p. (In Russ.)
- 10 Korovin V.I. Diskussii o tvorcheskom metode i khudozhestvennom mnogoobrazii sovetskoi literatury [Discussions about the creative method and artistic diversity of Soviet literature]. *Istoriia russkoi literatury XX–nachala XXI veka. Ch. 2: 1925–1990 gody* [The history of Russian literature of the 20th – beginning of the 21st century. Part 2: 1925–1990], ed. by V.I. Korovin. Moscow, Vlados Publ., 2014, pp. 83–164. (In Russ.)
- 11 Shoshin V.A. Leningradsko-Baltiiskoe otdelenie literaturnogo ob"edineniia Krasnoi armii i flota (1930–1934) [Leningrad-Baltic branch of the Literary Association of the Red Army and Navy (1930–1934)]. *Iz istorii literaturnyi ob"edinenii Petrograda-Leningrada 1920–1930-kh godov: Issledovaniia i materialy. Kn. 2* [From the history of the literary associations of Petrograd-Leningrad 1920–1930s: Studies and materials. Book 2], ed. by V.P. Muromskii. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 160–189. (In Russ.)